

ТРИ ПИСЬМА.

I.

Г. С.-Петербургъ.

Милый другъ! Спасибо за память!.. Признаться, думалъ, что ты меня забылъ: шутка ли—не имѣлъ отъ тебя вѣстей цѣлыхъ четыре года. Да, вотъ она судьба: на войнѣ работали вмѣстѣ, а теперь—ты землекопъ, а я «блестящій гвардеецъ!.. Прости, Николай, но и раньше и нынѣ буду говорить тебѣ одно: ты сдѣлалъ не малую ошибку, что ушелъ съ военной службы. Я понимаю, неудачная война можетъ подкосить внутреннее умозрѣніе человѣка, который вѣрилъ въ Россію, вѣрилъ въ ея военную мощь, какъ твердую охрану интересовъ отечества; понимаю это и въ тебѣ, потому что ты природный воинъ, съ малыхъ лѣтъ отдавшій всего себя славному служенію... Въ тебѣ выросла съ годами вѣра, что нѣтъ на свѣтѣ силы, которая сломила-бы стойкость русскаго солдата... И вдругъ не побѣда!.. Передо мною встаетъ твоя видная фигура въ мохнатой папахѣ тамъ, въ Манчжуріи. Помнишь, мы съ тобою были посланы въ тылъ—въ погоню за японо-хунхузами, взорвавшими желѣзнодорожный мостъ?.. Дѣло

было въ февралѣ. И когда мы съ тобою углубились въ монгольскія степи, преслѣдуя мнимаго врага, случилось то, чего ни я, ни ты, да можетъ и никто изъ насъ, русскихъ, не ожидалъ: мы отступили отъ Мукдена. Я помню какое ошеломляющее впечатлѣніе произвело на тебя первое извѣстіе объ этомъ: ты читалъ «Харбинскій Вѣстникъ» и не вѣрилъ, чтобы десятки орудій русской артилеріи могли быть въ рукахъ японцевъ... Ты буквально пыталъ невзрачнаго солдатика, которому принадлежалъ газетный номеръ: все ждалъ, что въ концѣ концовъ онъ скажетъ другое... Онъ молчалъ... Ты заплакалъ, какъ малый ребенокъ. И вотъ тутъ-то я понималъ, что твои слезы—предвѣстникъ страшнаго распутия. Я былъ правъ. Ты пошелъ по другой дорогѣ. Отецъ отказалъ тебѣ въ матеріальной поддержкѣ въ твоей новой жизни, и ты началъ съ того, что зарылся въ Манчжурскихъ угольныхъ кояхъ. Бѣдный Николай!... Неужели и теперь, когда ты получилъ такой жестокій урокъ, въ тебѣ продолжаетъ жить чувство правоты, что бросилъ почетную, высоко почетную военную службу?!.. Я знаю твою послѣднюю выходку—мнѣ о ней говорилъ твой братъ Алексѣй—и, прости меня, я одно время хотѣлъ совершенно порвать съ тобою всякую связь. Тебѣ плють медаль въ память войны, а ты, дерзило, отсылаешь ее назадъ, да еще съ надписью: «о такой войнѣ памяти не нужно!..» Видно подземная работа разслабила твой разумъ, а пошаливавшіе нервы довершили остальное... Отъ всей души жалѣю тебя: что ты, кто ты? Отецъ, послѣ того, какъ тебя уволили изъ запаса въ отставку дисциплинарнымъ порядкомъ за неприличный поступокъ съ медалью, отъ тебя отказался и ты, какъ писалъ мнѣ раньше, навсегда остался среди китайцевъ. И такъ, ты одинъ, какъ перстъ, если не считать тайную для старика связь между тобою и Алексѣемъ. Время—лучшій цѣлитель. И въ томъ, что ты написалъ мнѣ коротенькое письмо, я вижу, что ты окрѣпъ душевно. Какъ другъ, который еще сильнѣе и крѣпче привязался къ тебѣ, умоляю вернуться на старую дорогу; тебя примутъ въ строй: такого, какъ ты не принять нельзя!.. Вѣдь у тебя всѣ оберъ-офицерскія награды съ мечами, золотое оружіе!.. О тебѣ знала вся армія!.. Какъ восхвалялся ты, когда твой разъѣздъ открылъ армію Оку!.. Такие люди намъ нужны. Только имѣй гражданское мужество заявить о томъ, что и твой уходъ изъ строя, и выходка съ медалью — плодъ разстроеннаго здоровья. Скажи, пожалуйста, кто тебя гналъ, на кого ты былъ золь, что самъ же себя такъ больно высѣкъ?.. За что?.. Милый мой, бѣдный Николай!.. Съ концомъ неудачной войны въ

тебѣ умерли свѣтлыя мечты о нашей силѣ, погасла вѣра въ нее и выросъ новый человѣкъ—какой то «сектантъ». Ты ушелъ отъ насъ со словами: «разъ нашему отечеству мы не принесли съ войны лавроваго вѣнка, мы должны, какъ это дѣлаетъ кабинетъ, не оправдавшій надеждъ народа, передать портфели другимъ»... Утѣшаюсь, что теперь ты самъ разбилъ доводы этой мысли. Какъ? Передать дѣло защиты великаго государства другимъ, новичкамъ, а съ собою унести весь боевой опытъ, всю нагрузку кампаніи, перевернувшей нашу тактику на морѣ и на сушѣ?!.. Оставимъ это дѣлать тѣмъ, кто не любитъ Россіи: по ихнему это должно быть такъ. И вотъ съ этой стороны я вполне оправдываю твоего отца, отказавшагося отъ тебя, какъ отъ измѣнника стародворянскимъ завѣтамъ. Онъ звалъ тебя, свою гордость, чинить правое дѣло въ помолодѣвшей арміи. Ты отвѣтилъ ему уходомъ на должность какого-то довѣреннаго угольныхъ шахтъ... Тогда я не вмѣшивался въ твое дѣло, но теперь, когда время, видимо, освѣжило все твое существо, позволь еще разъ дать дружескій совѣтъ: принеси повинную, и ты будешь спасенъ!.. Раны на твоёмъ тѣлѣ, боевыя отличія, славныя дѣла, все—за тебя. Не говори мнѣ объ этомъ много: знаю, что въ такихъ случаяхъ признаніе собственной ошибки тяжелѣе самобичеванія. Черкни только одно слово: «согласенъ». Если бы ты видѣлъ своего отца, ты не призналъ бы его въ сгорбленномъ, поблѣдвшемъ и вѣчно болѣющемъ старикѣ... Старость—тоже болѣзнь и ты ее залѣчишь, если захочешь, ибо можешь.

Ну, порядкомъ я надоѣлъ тебѣ съ своими совѣтами. Позволь сказать пару словъ о себѣ. Живется мнѣ прекрасно. Полковоя семья меня плѣнила той дружбой ея членовъ, которая зачастую напоминаетъ близкое родство. Вотъ гдѣ человѣкъ можетъ воспитать въ себѣ чисто рыцарскіе идеалы, такъ настоятельно нужные въ военной службѣ! Въ этомъ мы съ тобою, пожалуй, сойдемся: насколько въ провинціи служилый элементъ проявляетъ простоту нравовъ, граничащую съ отсутствіемъ иногда и нужныхъ условностей, настолько столица пріучаетъ cadaго изъ насъ слѣдить за рогаткой, именуемой «тономъ», которая такъ безжалостно высасываетъ карманъ. Жизнь безумно дорога. При казенной квартирѣ въ двѣ комнаты я жалованья не получаю: все идетъ на собраніе. Къ вину не пристрастенъ—знаешь самъ; за бутылкою сажу только въ случаяхъ необходимости и тѣмъ не менѣе вычеты, вычеты и вычеты: въ заемный капиталъ, по счету хозяина собранія. за выѣздку лошадей, на ремонтъ хора трубачей, бібліотеку, член-

скіе взносы въ обязательныя общества (скаковое и др.), на подарки уходящимъ товарищамъ и пр., и пр., и пр... Сама служба съ военной точки зрѣнія не оставляетъ желать ничего лучшаго: малѣйшая новинка въ области тактики, обученіи солдатъ, даже чисто техническія новшества вызываютъ въ насъ живой интересъ. Пренія, доклады, обмѣнъ мнѣній—какъ это хорошо, увлекательно!.. Тутъ весь пропитываешься обязательствомъ отвѣчать высокому назначенію офицерскаго класса и каждую минуту чувствуешь кругомъ себя дѣловую жизнь. Я знаю провинцію—самъ въ ней служилъ—и, въ смыслѣ разносторонняго труда въ строевой части, въ смыслѣ способовъ восполненія пробѣловъ въ умственномъ кругозорѣ, отвѣтовъ на боевые вопросы, наконецъ, въ смыслѣ остроты этихъ вопросовъ она значительно разнится отъ столицы.

Ради Бога не подумай, что у меня нѣтъ другихъ, общественныхъ, запросовъ. Полковая жизнь отнюдь не вѣшаетъ замокъ надъ моимъ частнымъ обиходомъ: она—лишь контроль въ томъ выборѣ знакомыхъ, который дѣлаетъ молодой офицеръ. За эти годы я успѣлъ сойтись со многими товарищами. Они ввели меня въ дома своихъ родныхъ, друзей. И вотъ теперь я особенно зачастилъ къ Котовымъ. Семья ихъ маленькая: самъ — Григорій Ивановичъ, инженеръ, его жена, Екатерина Петровна, и 12-ти-лѣтняя дочь. Ты удивишься, что я такъ привязался къ нимъ: вѣдь для молодежи-кавалеровъ притягательная сила живетъ въ красивыхъ феяхъ! Но тутъ много другихъ «но...» Во-первыхъ, это интересная чета (кстати, ему 35, ей 30 лѣтъ). Я никогда въ жизни не встрѣчалъ женщины такъ всесторонне развитой, умной, начитанной... Весь ея день проходитъ въ работѣ: либо она рисуетъ, либо разбирается въ какомъ-нибудь историческомъ эпизодѣ (а какъ она знаетъ исторію!!...), либо отдается спорту. Будемъ откровенны. Внутренній мірокъ прекраснаго пола на рѣдкость узокъ. Отсутствие широкихъ цѣлей въ жизни—да что широкихъ—чисто семейныхъ, материнскихъ обязательствъ, открываетъ женщинамъ двери въ пустой водоворотъ флирта, увлеченій, «свѣтскихъ» удовольствій, за которыми слѣдуютъ драмы, трагедіи съ разводомъ во главѣ и самоубійствомъ въ хвостѣ... Люди привыкаютъ стирать день за днемъ, не замѣчая, сколько прелестнаго, широкаго—именно для нихъ, физически слабыхъ существъ — даетъ сумма человеческихъ усилій въ области ума и души!... Воспитать молодое поколѣніе можетъ только мать, сама уяснившая себѣ все значеніе этой дѣятельности русской женщины. Подготовить школъ но-

ваго члена, еще въ семьѣ изъ устъ матери узнавшаго что такое святая Русь, сдѣлать изъ двуногаго птенца мыслящаго индивидуума, развить въ немъ непочатое сердце и т. д.: развѣ все это такъ ничтожно, что его можно опускать?... И когда я вижу даму-патронессу въ хлопотахъ по призрѣнію сирыхъ и убогихъ, мнѣ хочется ее спросить: «Матушка! А ты когда видѣла *своихъ* дѣтокъ?... Не лучше ли тебѣ, милая, сначала согрѣть *своихъ* сиротокъ, подброшенныхъ на руки боннь, да гувернантокъ?»

И ты посмотри какая противоположность общему шаблону въ женскомъ мірѣ Екатерина Петровна. Не только воспитаніе, но и обученіе дочурки ведется подъ ея непосредственнымъ надзоромъ, даже больше—ею самою. Средства мужа вполне позволяютъ имъ имѣть цѣлый штатъ учителей и пособницъ въ этомъ дѣлѣ, но она совершенно вѣрно поняла, что, чѣмъ больше глазъ, тѣмъ меньше ребенокъ ихъ ощущаетъ. И нѣтъ ни одного урока, на которомъ бы она не присутствовала сама... Нѣтъ, Николай, тебѣ нужно самому видѣть этого человѣка, чтобы понять мой восторгъ ею. Зато и достается же бѣдной Екатеринѣ Петровнѣ отъ разныхъ мамашъ и свѣтскихъ особъ женскаго рода!... Видишь ли, у нея былъ романъ съ однимъ изъ сослуживцевъ мужа. Пусть это будетъ второе. Романъ глубокій, который въ свое время заставилъ коситься на нее буквально всѣхъ. Но увлеченіе ея Мерзяковымъ (такъ фамилія «его») закрывало ей глаза на людское «фи», и она, не жалѣя себя, афишировалась во всю. Что дѣлать?... Неполовинчатая натура!... Потомъ, какъ это бываетъ частенько, «онъ» женился на племянницѣ Котова, и романъ порвался. Судьбѣ угодно было сдѣлать ихъ врагами: мужъ догадался объ увлеченіи жены Мерзяковымъ поздно (и это частенько бываетъ), и далъ слово никогда не бывать въ домѣ новыхъ родныхъ.

Говорятъ, что Екатерина Петровна только потому и «ударилась въ семью», что ей надо было заглушить чувство къ «нему». На дняхъ познакомился съ Мерзяковымъ и сразу не влюбился его. Представь себѣ человѣка средняго роста, тощаго, съ вытянутой фізіономіей и плѣшивой головою, съ щетинистыми усами, горбатымъ носомъ и вѣчно хихикающаго... Что-то шепнуло мнѣ, что и я у него въ друзья не попадѣ... Ну, да это все ерунда!... Когда я думаю надъ тѣмъ, какъ Екатерина Петровна могла полюбить такого поверхностнаго, не яркаго человѣка, да полюбить такъ, какъ любить рѣдкая женщина, мнѣ невольно приходитъ въ голову наша русская поговорка: «любовь сильна—полюбишь и козла». За то

сколько въ ней святости теперь!... Ради Бога прости, дорогой; я тебѣ не описалъ ея наружности. Назвать ея красивой нельзя. Но есть типъ женщинъ, которыя невольно приковываютъ наше вниманіе особою жизнью, одухотворенностью выраженія лица. Сколько свѣта въ ея глазахъ! Глубокая мысль вѣчно лежитъ на ея умномъ лбу, а общая гармонія красокъ вставляетъ ея въ блестящую рамку... Единственно, что нѣсколько искажаетъ ея голову — длинноватый носъ... Но это мелочь, и она вовсе не бросается въ глаза. Сказаль это, просто, къ слову.

Сейчасъ бросаю писать: телефоновала, чтобы я шелъ къ нимъ читать какую-то литературную новинку. Да, братъ, это рѣдкая женщина. За послѣдній годъ она меня столкнула съ такою уймою идейныхъ вопросовъ нашихъ прошлыхъ и настоящихъ писателей, что у меня самого образовалась интересная библіотека. Какъ я полюбилъ этотъ тихій уголокъ! Мужъ, вѣчно занятый составленіемъ проектовъ грандіозныхъ построекъ, работаетъ въ своемъ чудномъ кабинетѣ, а мы сидимъ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ бывають только ея друзья, и читаемъ, болтаемъ, дѣлимся впечатлѣніями... Конечно, народная молва приписала мнѣ роль ея «приближеннаго» (въ этомъ особенно стараются Мерзяковы), набрасываетъ гадкую тѣнь на нашу чистую дружбу, но она удивительно стойчески переносить всѣ эти уколы самолюбію. Даже, когда я, щадя имя ихъ дома, пересталъ у нихъ бывать, она такъ сердечно укоряла меня въ малодушіи, что я еще больше зачастилъ къ нимъ.

Прости за болтовню. Порадуй меня отвѣтомъ. Помни, что у тебя есть безкорыстный другъ, который похоронить въ своемъ сердцѣ все, что ты ему доверишь. Подумай надъ тѣмъ, что я писалъ тебѣ выше. Насъ раздѣляютъ тысячи верстъ, но ты мнѣ такъ же близокъ, дорогъ, какъ и раньше, когда мы были съ тобою вмѣстѣ. Пусть судьба отдалила тебя отъ родныхъ, но у тебя есть не менѣе родной по чувству человекъ — я. Не забывай же его. Крѣпко тебя обнимаю. Твой И. Букинъ.

II.

Манчжурія.

Вчера получилъ твое письмо. Оно заронило въ мою голову тысячу мыслей. Вѣдь живя здѣсь, среди почти сплошь китайцевъ, до такой степени уходишь въ дѣловую жизнь, что о васъ, живущихъ въ Россіи, вспоминаешь только тогда, когда на это натолк-

нетъ случай. Какой разнообразный трудъ! Ты не подумай, Иванъ, что я упиваюсь своей службой въ прямомъ смыслѣ. Быть чернорабочимъ намъ, бѣлоручкамъ, трудно. Скажу прямо, что ты не понялъ истинной причины моего ухода изъ полка. Конечно, въ концѣ концовъ нервы виноваты: если-бы не они, я теперь, возможно, былъ бы въ строю. Искренно раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ съ медалью. Но тогда я былъ въ туманѣ... Я не понималъ всего, что дѣлалось кругомъ. Точно страшный гипнозъ нашелъ на меня и подчинилъ какой-то злой силѣ, все время толкавшей меня къ другой пристани. А вѣдь въ такомъ состоянїи человѣкъ такъ легковѣсенъ!.. Небольшимъ порывомъ общей стихїи я былъ сдвинуть съ мѣста и покатился... Куда? Я самъ не понималъ... Я знаю одно: нужно дѣлать, нужно приспособить свои силы къ какой-то другой машинѣ, работающей въ авангардѣ на благо нашей дорогой Руси... И если я ушелъ въ манчжурскія шахты, то развѣ для того, чтобы устраивать *свою* жизнь?.. Какъ вы всѣ ошибались, когда считали мой уходъ выгодной сдѣлкой?! Не ради денегъ я пошелъ сюда, а ради новой работы. Позади меня осталась груда развалинъ моего душевнаго строенїя. Неудачныя сраженїя съ врагомъ разбили меня и, когда, въ довершенїе всѣхъ золъ, былъ заключенъ миръ, когда мы, русскїе, такъ вѣрившіе въ побѣду, были повернуты силою дипломатїи къ ней спиною, впереди стоялъ какой-то туманъ... Я не понималъ своей будущей работы... Тогда я не понималъ, что борець, случайно положенный на лопатки, *можетъ* быть учителемъ техники и практики своего ремесла... И ушелъ... Какъ—знаешь. Харбинъ, встрѣча съ инженеромъ, владѣльцемъ копей, жаркїй споръ о чемъ и доселѣ спорять, предложенїе, запасъ, отставка... Мнѣ было тяжело. Чужая среда, незнакомые люди... Ходилъ самъ не свой. Пока вы не эвакуировались въ Россїю, я былъ все-таки не одинъ. Но потомъ—по недѣлямъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Все чаще и чаще вставалъ предо мною вопросъ: зачѣмъ, зачѣмъ я покинулъ военное дѣло, которое такъ любилъ и люблю нынѣ?.. Сама судьба, видно, распоряжалась мною. И когда личное горе перешло въ щемящую тоску, случилось обстоятельство, которое оживило, или какъ ты говоришь, оздоровило мея. Нужно тебѣ сказать, что нашъ край считается однимъ изъ зажиточныхъ и, какъ только послѣднїе войска тронулись изъ Харбина, у насъ появились незваные гости—хунхузы...

Съ ними пришлось познакомиться довольно близко и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Я былъ командированъ нашимъ инжене-

ромъ за 50 версть къ западу съ цѣлью опредѣлить глубину угольнаго пласта того района. Прямой дороги туда не было: насъ разъединяли горы, покрытыя густымъ лѣсомъ. Кружить сотню версть мнѣ не хотѣлось, и я направился по тропѣ, доступной только пѣшеходамъ. Со мною была конная команда въ 15 человекъ русскихъ и одинъ проводникъ—китаецъ. Едва мы вступили въ лѣсъ, какъ насъ охватилъ мракъ: такая густота растительности. Поваленныя деревья, нагроможденные изъ толстыхъ стволовъ барьеры останавливали насъ почти ежеминутно. Высокая трава, широкіе листья такъ крѣпко переплелись между собою, что приходилось буквально шашками прокладывать себѣ дорогу. Сколько мы видѣли тутъ птицъ, звѣрей!.. На третій день мы вышли на небольшую поляну, и какъ пассажиры морского гиганта радуются легкому силуэту далеко лежащаго отъ нихъ берега, такъ и мы обрадовались одинокой избушкѣ, какими-то судьбами приклеившейся къ ней. Избушка такъ сочеталась съ общимъ тономъ мрака, такъ подходила къ этой унылой природѣ, поражавшей насъ въ то же время своею мощью, силой, ростомъ, что было-бы слишкомъ рѣзкимъ нарушеніемъ однообразія въ картинѣ, если бы тутъ стояло жилище другого вида. Къ намъ вышелъ старый китаецъ съ длинной трубкой во рту. Пока мы разнуздывали своихъ лошадокъ, снимали сѣдла и размѣщались на покой, переводчикъ успѣлъ вполнѣ ориентироваться въ нашей дорогѣ. Оказалось, что мы были всего въ 15 верстахъ отъ конечнаго пункта нашего пути. Я хотѣлъ было продолжать дорогу, чтобы отдохнуть намѣстѣ, но былъ остановленъ въ своихъ распоряженіяхъ переводчикомъ. Взволнованный, съ замѣтной бѣлизной на смугло-желтомъ лицѣ, онъ, торопяся и съ каждымъ словомъ хватаясь за мой рукавъ, объяснилъ, что недалеко отсюда находится значительная шайка хунхузовъ, что эта шайка знаетъ о нашемъ движеніи и что она насъ уже сторожить... Дѣла принимали крайне тяжелый оборотъ. Вступить въ борьбу съ четырьмястами лѣсныхъ головорѣзовъ намъ, количествомъ, не достигающимъ и 20 человекъ, было немислимо. Рабочіе тоже струхнули: переводчикъ ломанымъ русскимъ языкомъ разсказалъ имъ въ чемъ дѣло. Отступать я не хотѣлъ. Мнѣ думается, что не только войска, но и простой народъ мы должны воспитывать въ стремленіи выполнять свою задачу только движеніемъ впередъ. Я взялъ переводчика и отошелъ съ нимъ въ сторону: «Худо, капитанъ, худо!» (онъ зналъ, что я бывший офицеръ и при томъ у меня были шаровары съ лампасомъ)... Многое я слыхалъ

про хунхузовъ, но никогда ихъ не видалъ. Я рѣшилъ использовать китайцевъ—переводчика и хозяина фанзы. Во что бы то ни стало надо было довести до хунхузовъ, что люди мы мирные, денегъ у насъ нѣтъ, и что мы просимъ пропустить насъ въ деревню Янсу-дзу, чтобы произвести нѣкоторыя измѣренія въ землѣ; особенно просилъ передать ихъ начальнику, что я русскій офицеръ и очень хочу съ нимъ познакомиться. Я сунулъ въ руку старика рубль и онъ исчезъ. Переводчикъ не поѣхалъ. Тяжелые часы намъ пришлось пережить. Неизвѣстность всегда давить нервы. А тутъ мы стояли передъ вѣрной смертью. У меня сложилось убѣжденіе, что хунхузы только и живутъ своею безчеловѣчностью, жестокостью и страшнымъ надругательствомъ надъ беззащитными. Прошли долгіе часы. Несмотря на усталъ, никто изъ насъ не спалъ. Какъ умѣлъ, я поддерживалъ въ своихъ людяхъ присутствіе духа, но, долженъ сказать, что это мнѣ удавалось съ трудомъ. Стало вечерѣть... Сыро, прохладно... Хотѣлось-бы согрѣться, но рѣшили костра не разводить. Наконецъ явился китаецъ. Онъ передалъ, что начальникъ хунхузовъ приглашаетъ меня сейчасъ-же отправиться къ нему. Дѣлать нечего: надо было повиноваться. Я сѣлъ на маленькую лошаденку, присланную за мною, и поѣхалъ съ переводчикомъ слѣдомъ за китайцемъ. Дорога была легче. Тонкіе полоски луннаго свѣта бѣлѣли въ лѣсной мглѣ, да листья уныло шептались отъ легкаго вѣтерка. Куда, зачѣмъ я ѣхалъ?.. Думать не пришлось: прямо передъ нами раздался протяжный свистъ, повторенный гдѣ-то далеко впереди. Первая застава!.. Старикъ далъ отрывистый свистокъ. Изъ кустовъ вышелъ хунхузъ съ ружьемъ въ рукахъ и, то присѣдая, то прикладывая руку къ шапкѣ, какъ бы отдавая честь, старался выказать свое дружеское чувство. Дальше мы двинулись вчетверомъ. Я такъ и не видѣлъ, гдѣ стояла застава этого хунхуза. По пути насъ профильтровали еще три такихъ заставы. Я поражался организованности этихъ бандъ. Какая сильная дисциплина!.. Стало свѣтать, когда мы подходили къ лагерю хунхузовъ.

Если меня удивляла ихъ спайка, отношеніе къ сторожевой службѣ, я былъ буквально изумленъ, когда увидѣлъ передъ собою двѣ выстроенныя сотни конныхъ китайцевъ. Впереди стоялъ ихъ «капитанъ», бывший офицеръ китайской службы. На флангахъ—его помощники. Полное впечатлѣніе регулярнаго европейскаго войска!... Я подошелъ къ «капитану» и поздоровался съ нимъ за руку.—«Русска хао!. Хао!...» улыбаясь приговаривалъ онъ, по-

тряхивая мою руку. Мы прошли вдоль шеренгъ. Какой это здоровый отборный народъ! Въ каждой черточкѣ ихъ лица чувствуется широкая безшабашность... Когда кончился церемоніаль обхода, при чемъ каждый изъ хунхузозъ считалъ своимъ долгомъ поклониться и приложить руку къ шапкѣ, «капитанъ» повелъ меня къ себѣ. Между стволами вѣковыхъ березъ и елей была разостлана циновка—соломенный коверъ; около нея дымился очагъ: меня ждали на чай. Небольшого роста ходя съ выбитымъ нравымъ глазомъ и съ засученными рукавами хлопоталъ надъ курицей, которую онъ переворачивалъ прямо руками въ кипящей водѣ небольшого котелка. Тутъ-же стояли завьюченныя лошади; лежали люди въ черныхъ накидкахъ—хунхузы, только что прибывшіе изъ сторожки; недалеко отъ насъ былъ слышенъ гортанный говоръ главныхъ силъ, которыя я обходилъ съ «капитаномъ», храпъ лошадей, ихъ ржанье... Какъ мнѣ эта картина напомнила походную жизнь!.. Куда дѣвался мой сонъ!.. Не медля, я приступилъ къ главной темѣ моего визита—просилъ пропустить насъ къ деревнѣ. Хунхузъ не далъ мнѣ и договорить: не только пропустить, но на обратномъ пути обѣщалъ насъ проводить по самой короткой дорогѣ. Дальнѣйшій разговоръ коснулся вопроса, имѣющаго для насъ, русскихъ, огромное значеніе—о сферѣ ихъ «дѣятельности». Я старался въ своихъ выраженіяхъ быть осторожнымъ и избѣгалъ такихъ словъ, какъ истязанія, убійство, грабежъ и пр. Но «капитанъ» заявилъ прямо, что въ ихъ программу не входитъ вызывать недоумѣнія съ русскими властями. «Съ русскими мы желаемъ жить въ согласіи и никого изъ нихъ понапрасну не обижаемъ». Въ ряды хунхузозъ идутъ люди, обиженные судьбою, обиженные китайскою администраціей, и вотъ съ нею-то они и сводятъ свои счета. Средства жить добываются страшною цѣною... «Кровь раздражаетъ... Пробиешь только убить и... звѣрѣешь .. теряешь рассудокъ, изувѣрствуешь. Бывали случаи, что, убивая мать, хватали за ноги малыхъ дѣтей и съ силой раздробляли о земь ихъ головы... А теперь вернуться къ прежней жизни намъ уже нельзя: впереди лютая казнь. Вотъ и мстимъ за прошлое, будущее...»—«Ну, а зачѣмъ же вы наказываете невинныхъ, мирныхъ людей, попробовалъ я спросить; вѣдь страдаютъ-то пока они?!...» Хунхузъ помолчалъ минуты двѣ, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и, дергая за плечо переводчика, почти прокричалъ: «а они почему къ намъ не пристають? «Капитаны» вездѣ у насъ плохіе...» Мы стали пить чай. Къ намъ то под-

ходили, то уходили хунхузы. Они съ любопытствомъ оглядывали меня и дѣлились впечатлѣніями вслухъ. Отъ нѣкоторыхъ мой переводчикъ хохоталъ во всю. «Пусть русскіе насъ не трогаютъ, и мы не тронемъ ихъ! Мы у себя. Пусть съ нами и считаются только наши. Будеть плохо вамъ же, если будете насъ преслѣдовать. У насъ друзья вездѣ. Намъ скрыться отъ васъ легко: жители не выдадутъ—побоятся мести, а вамъ будетъ плохо...»

Было 12 часовъ, когда я просилъ «капитана» послать за моею командою. Что пережили мои люди, когда ихъ вели лѣсной дорогою, извѣстно одному Богу. Не буду описывать тебѣ обратной дороги. Скажу одно, что я пригласилъ всѣхъ хунхузовъ къ себѣ и капитанъ сказалъ, что онъ непременно пріѣдетъ ко мнѣ въ гости.

Этотъ фактъ заставилъ меня отдаться новому дѣлу: сблизить хунхузовъ съ русскими людьми нашего района. Пока мнѣ это удастся. Раньше безъ дюжаго конвоя ни одна душа и не думала проѣхать по мѣстнымъ дорогамъ, а теперь—совершенно свободное сообщеніе между поселками. Были случаи, когда заблудившагося въ лѣсу охотника хунхузы отпаивали чаемъ, снабжали провизіей, указывали дорогу и отпускали съ миромъ. Ты понимаешь всю важность этой работы? Что на востокѣ у насъ будутъ столкновения, думаю, тебѣ объ этомъ растолковывать не надо. А помнишь какъ мы разбрасывались, терялись отъ неожиданныхъ уколовъ хунхузскихъ шаекъ? Съ боевого поля отрывались цѣлыя дивизіи, въ тылъ уходили полки кавалеріи для борьбы съ невидимымъ противникомъ. Вѣдь мы съ тобой знаемъ что такое погоня за хунхузами и какъ трудна борьба съ людьми, вмигъ умѣющими перелицеваться въ рядового, мирнаго жителя!.. Вести пропаганду добрыхъ отношеній между русскими и хунхузами, отнюдь не потакая ихъ кровожадности, можно. И какая у насъ будетъ богатая «дружеская» сила, когда грянетъ громъ надъ сопками далекой Манчжуріи? Поди, ты сейчасъ это уже не такъ ясно представляешь, какъ если бы былъ здѣсь. Судя по письму, ты началъ жизнь свѣтскаго человѣка и эта жизнь, если не оторвала, то, вѣрь мнѣ, оторветъ отъ прямого дѣла—службы. Ты уже переступилъ грань, когда человѣкъ самъ себѣ хозяинъ... Не сердись, что я такъ тебѣ говорю? Если бы я не питалъ къ тебѣ чувства, совершенно тождественныя съ твоими ко мнѣ, я бы тебѣ и вовсе не писалъ.

Или я такъ огрубѣлъ душевно, или... то, что происходитъ съ тобою, дѣйствительно необычно. Помни, мой другъ, одно: чистой

дружбы между холостякомъ и замужней женщиной быть не можетъ. Да, не можетъ!... Прячь жизненный реализмъ въ какія угодно рамки, но онъ самъ скажетъ за себя. Еще разъ прошу тебя извинить мою откровенность, но отсюда, издалека, гдѣ не ощущаешь близости прелестныхъ фей, о нихъ можно говорить болѣе правдиво. Я жилъ много... Любилъ жизнь... Давно пережилъ то, чѣмъ такъ захлебываешься ты... Я опытный. И когда я оглядываюсь назадъ, перебираю въ мысляхъ долгій рядъ знакомыхъ, иногда и близкихъ, женщинъ, мнѣ хочется всѣхъ ихъ назвать кошками. Ты знаешь одно изъ качествъ этого животного: для него высоты почти не существуетъ. Сила бросаетъ его на землю съ третьяго этажа, оно куврыкается въ своемъ полетѣ и все-таки становится на ноги... Помашетъ хвостомъ, облизнется и, какъ ни въ чемъ не бывало, живетъ дальше... Впрочемъ, широкаго значенія не придавай моимъ словамъ: вѣдь я потерпѣлъ крахъ въ своей собственной жизни. Это было давно—я увлекся женою своего друга... Объяснились... Никогда не забыть этой сцены. Мы гуляли въ дивномъ паркѣ—она, мужъ и я. Былъ лѣтній вечеръ... Я шелъ съ нею подъ руку. Мужъ отсталъ, залюбовавшись темнымъ куполомъ небесной выси и ища какую-то звѣздочку: онъ занимался астрономіей... Мнѣ было хорошо... Прошло много лѣтъ, а вѣдь забилося же сердце знакомымъ темпомъ, какъ вспомнилъ былое. Она посмотрѣла мнѣ въ глаза и, не отводя ихъ отъ меня, прошептала: «какъ мнѣ легко съ вами!..» Я зналъ глубину моего чувства къ ней и твердымъ голосомъ отвѣтилъ: «такъ вамъ можетъ быть всегда!»—«А тотъ?» показала она рукою на мужа... Я промолчалъ... Съ этого вечера началась ужасная драма. Я любилъ ихъ обоихъ—его, какъ человѣка съ кристалльно чистой душой, ее, какъ женщину. Мы стали встрѣчаться въ заранѣ условленныхъ мѣстахъ. Какъ быстро летѣли часы нашихъ свиданій! Они были точно чудныя сказки... Мы клялись не разлучаться, быть всю жизнь вмѣстѣ... Порою передъ нами вставалъ призракъ мужа и мы замолкали... «Я его отравлю... Объ этомъ никто не узнаетъ, не догадается», какъ-то сказала она... Живя обманомъ, мы трусили сказать о немъ вслухъ... И мы молчали. Но заговорила судьба: меня командировали на востокъ, гдѣ я долженъ былъ пробыть полгода... Извини—я комкаю свой рассказъ: ужъ слишкомъ больно вспоминать. Разлука была съ истериками, клятвами, поцѣлуями... Мы писали другъ другу сначала часто, потомъ я сталъ получать на три письма одно, а спустя четыре мѣсяца

наша переписка кончилась. Приѣзжаю въ Россію... Бѣгу въ знакомый домъ; вхожу безъ доклада... Пусто. Одиноко... Узнаю правду: она бѣжала съ проѣзжимъ артистомъ-итальянцемъ!.. Говорятъ, счастлива... Вотъ ты и пойдѣ!.. Да что тамъ говорить?!.. Смотри, не обожгись другъ... Ты молодъ, въ тебѣ больше идеализаціи, тебѣ горше отъ нея и отказываться. Помни, пока ты чувствуешь, что собственною жизнью правишь самъ, пока каждую минуту распределяешь только твоя воля—жизнь имѣетъ и смыслъ и цѣну. Иначе—заранѣе ставь на себѣ крестъ и пиши: «я—чужой». Не будь же имъ. А будетъ такъ—ѣзжай ко мнѣ. Тутъ много здоровой работы—вылѣчишься. Твой Н. Голубиновъ.

III.

С.-Петербургъ.

Лучше смерть, чѣмъ та дѣйствительность, которую на самомъ себѣ перенесъ я!.. Боже!.. Вѣдь это крахъ всего лучшаго, что такъ бережно копилъ я цѣлые годы въ своей душѣ, въ своемъ сердцѣ... Какъ беспощадна жизнь!.. То улыбается сладко, нѣжно, то вдругъ возьметъ и надѣнетъ на тебя тяжелыя цѣпи...

Два года я тебѣ не писалъ. Ты одно время бомбардировалъ меня письмами, телеграммами... Я молчалъ. Молчалъ потому, что въ послѣднемъ письмѣ ты посмѣлъ поставить Екатерину Петровну на одну доску съ прочими «кошками», какъ назвалъ ты женщинъ. Ты совѣтовалъ мнѣ держать себя въ рукахъ, ибо ты чувствовалъ что во мнѣ уже жила чужая воля. Какъ же я этого не видѣлъ?! Жалкій, близорукій!.. Какимъ обманомъ вѣетъ отъ всего, что когда то для меня было счастьемъ!... Да, другъ мой, видно тяжелѣе собственной бури въ душѣ для человѣка нѣтъ ничего. Судьба свываетъ насъ съ тихою красивою жизнью и вотъ она течетъ, какъ лента кинематографа съ чудными пейзажами... Такъ и я сроднился съ тѣмъ, что около меня есть вѣрный другъ—она... Не вѣрь себѣ, не вѣрь и людямъ, что наша дружба имѣла хоть каплю грязи... Сколько разъ она каялась въ своей первой ошибкѣ—связи съ Мерзяковымъ, сколько она выстрадала отъ своего перваго соблазна... И эта чистая душа, этотъ обновленный съ ногъ до головы человѣкъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе спаивалъ меня съ собою. Я до такой степени привыкъ къ ней, узналъ ее, что достаточно было

лишь мелькомъ посмотрѣть на ея лицо, чтобы прочитать всѣ думы, мысли... Служба уже не такъ была мнѣ сродни, какъ раньше. Я смутно чувствовалъ, что между нею и мною кто то стоитъ, кто то мѣшаетъ отдаться почетному ремеслу всѣми силами и, когда, въ поискахъ за этимъ «къмъ то», я находилъ своего друга, то испытывалъ рѣдкое блаженство. Все для нея, все ей!.. Полтора мѣсяца назадъ она прислала мнѣ изъ Крыма телеграмму: «пріѣзжайте, соскучилась по васъ»—я сейчасъ же сталъ проситься въ отпускъ. Была страдная пора—лагерь. Самъ знаешь, что лѣтній періодъ нашей службы—періодъ «мирной войны». И какъ съ театра смерти и жизни стыдно, позорно, ѣхать развлекать милыхъ друзей, такъ пуста была и моя просьба дать мнѣ двухнедѣльный отпускъ «по домашнимъ обстоятельствамъ». Мнѣ отказали. Я взялъ, да и уѣхалъ!.. Судите меня, а справиться съ чувствомъ къ ней я не могъ. Въ Крыму я пробылъ всего три дня, рассказалъ ей про свое бѣгство, и это было причиною короткаго отсутствія изъ полка. Когда я пріѣхалъ, тамъ знали гдѣ я былъ. И вотъ въ первый разъ во мнѣ заговорилъ голосъ стыдливости. Клянусь тебѣ честью, что и въ эту поѣздку, равно какъ и въ періодъ всего знакомства съ Екатериною Петровною, въ нашихъ отношеніяхъ не было ничего такого, что имѣло бы значеніе связи. . Но мнѣ было не по себѣ: я являлся виновнымъ въ томъ, что жадный языкъ толпы уже теребилъ ея имя... Гдѣ могъ—защищалъ, оправдывалъ, клялся... За самовольный отпускъ мнѣ пришлось уйти изъ полка. Настали тяжелые дни. Товарищи, которые еще вчера называли меня своимъ другомъ, отъ меня отшатнулись. Точно зачумленный... Я сидѣлъ въ своихъ двухъ комнаткахъ и шагу не смѣлъ ступить туда, гдѣ шла казарменная дѣловая жизнь. Пока рѣшалась моя судьба, вернулись Котовы. Я поѣхалъ къ нимъ. Такъ же радушны, такъ же сердечны, милы... Но въ Екатеринѣ Петровнѣ я почувалъ что то для меня новое. Она избѣгала видѣть меня одного и все просила, прежде чѣмъ ѣхать къ нимъ, позвонить по телефону. Это было для меня ново... Неужели, думалось мнѣ, и этотъ человѣкъ поворачивается ко мнѣ спиною?.. Вѣдь въ несчастѣ познаются друзья!.. Какъ то я заѣхалъ безъ телефонады и засталъ у нея старшаго инженера въ томъ управленіи, гдѣ служилъ мужъ. Раньше я его не зналъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 43-хъ, лысый, съ острымъ носомъ, узкими, монгольскими глазами, небольшой эспаньолкой, по фамиліи Начакъ, семейный (сынъ въ университетѣ). Мнѣ бросилось въ

глаза смущеніе Екатерины Петровны... Ея гость поднялся и хотѣлъ уйти. Она его остановила... Съ каждой минутой я пробоваль себя за руку: мнѣ казалось, что я сплю—такъ невѣроятна была сцена этого дня. Меня тамъ точно не было—разговоръ былъ только между ними. Я поднялся и ушелъ... Не удерживали... Какъ мнѣ было не по себѣ весь этотъ вечеръ! Я думаль... И чѣмъ глубже шла работа моей мысли, чѣмъ она становилась ближе къ ней, тѣмъ скорѣе я находилъ себѣ другую работу... Меня скоро позвали и я, какъ послушный песъ, побѣжалъ къ Котовымъ. Опять прежняя, Екатерина Петровна, опять полилась задушевная бесѣда, опять незамѣтно спустилась ночь, и я ушелъ къ себѣ.

Какъ въ сущности надо мало человѣку: вѣдь только что шла страшная буря въ душѣ... Я казался себѣ одинокимъ, отвергнутымъ, забытымъ... И стояло милому человѣчку прикоснуться къ большому мѣсту, какъ онъ снова воскресъ къ жизни... Что было со мной? Влюбленъ?.. Увлеченъ?.. И да, и нѣтъ... Высокій, красивый пьедесталь, на который поставилъ ее я, минутами мнѣ казался построеннымъ на пескѣ и вотъ и эта-то ошибка не давала мнѣ покоя. Воплотить въ человѣка всѣ людскія добродѣтели, сдѣлать его своею сказкою и вдругъ уловить себя въ самообманѣ—какой это тяжелый моментъ для психологическаго равновѣсія!.. И я радвался случаю, когда *новыя* мысли разбивались объ ея сердечность, искренность... Правда, какъ-то я опять пришелъ къ Котовымъ безъ зова и опять засталъ въ комнатѣ ея друзей Начака. Опять маленькое смущеніе, замѣшательство... Я просидѣлъ недолго и ушелъ. На другой день Екатерина Петровна позвала меня къ себѣ и тутъ впервые я поставилъ ей вопросъ: не лишній-ли я у нея въ жизни? Не увлечена-ли она кѣмъ-нибудь другимъ? И, если-бы ты, мой другъ, слышалъ ея «нѣтъ», видѣлъ при этомъ прямой открытый взглядъ, какимъбы тебѣ показался я смѣшнымъ, даже большимъ манией подозрительности?! Я попробоваль было взять съ нея честное слово, но она съ негодованіемъ отвѣтила: «если не вѣрите, то я совсѣмъ съ вами говорить не буду!» Не оставалось мѣста сомнѣніямъ. Мысли о себѣ, о будущемъ, о томъ, какъ устроится моя судьба, совершенно тускнѣли передъ думами о ней. Какъ-то невольно я все чаще и чаще останавливался на ней и на ея отношеніи къ пожилому Начаку, котораго вовсе нельзя признать совершенствомъ, особенно въ смыслѣ законченности самообразованія, но про котораго сама Екатерина Петровна только и могла сказать:

«Ахъ, какой волевой человѣкъ!.. Ахъ, какой желѣзный характеръ!». И тутъ же рассказывала сколько драмъ съ женою стояла ему дружба съ нею... Я ничего не понималъ... Какъ? Благоволить къ человѣку, подарившему семьѣ «только драмъ», не считающемуся съ истериками жены, съ присутствіемъ взрослого сына?..

Я какъ-то попробовалъ еще разъ заговорить о странной близости въ дружбѣ съ Начакъ, но мнѣ отвѣтили хохотомъ. Правда, онъ былъ нервный, неестественный... Три дня назадъ я встрѣтилъ самого Котова и тотъ уговорилъ меня пообѣдать у нихъ. Когда обѣдъ близился къ концу, раздался телефонный звонокъ. Она быстро вскочила и побѣжала къ аппарату. Звонилъ Начакъ. Было понятно, что разговоръ касался такихъ вещей, о которыхъ говорить въ присутствіи мужа и меня было неудобно... Отвѣты были двусмысленные... «Помните, дорогой, закончила Екатерина Петровна, все, что ни дѣлается, все къ лучшему»... Что-же это могло быть? Что-же это у нея дѣлается къ лучшему?.. На эти вопросы я не успѣлъ себѣ отвѣтить, какъ вошелъ Начакъ (они жили по сосѣдству). Екатерина Петровна пригласила его въ свою комнату, а я съ мужемъ остался въ кабинетъ... Общаго разговора не было... Такъ прошелъ часъ... Заспоривъ со мною о послѣднемъ дневномъ событіи, описанномъ въ газетѣ, мужъ попросилъ меня принести номеръ изъ комнаты «друзей»... Вотъ тутъ-то и начинается самое страшное. Когда я подошелъ къ двери, знаешь что я увидѣлъ?... Ее въ объятіяхъ Начака!.. Какъ мальчишки, застигнутые врасплохъ, они бросились одинъ отъ другого и, какъ ни въ чемъ не бывало, удивленно смотрѣли на меня... Нѣтъ, это не было сномъ... Хотѣлъ-бы самъ, чтобы сцена видѣнной мной грязи въ комнатѣ «друзей» превратилась въ миражъ, но... Я попрощался и вышелъ изъ ихъ дома, поклявшись никогда не быть тамъ. Шелъ дождь. Я его не чувствовалъ... По лужамъ я шлепалъ къ себѣ домой, а передо мною, точно дразня, вставала сцена поцѣлуевъ... Извозчиковъ не было... Мнѣ попался ломовикъ. Я вскочилъ къ нему на дроги и, не соображая, что дѣлаю, поѣхалъ. Куда?.. Я самъ не зналъ. Мнѣ было не до того, чтобы думать о себѣ. Я все искалъ какую-либо нотку извиненія въ поступкѣ моего стараго друга и не находилъ. Зачѣмъ мнѣ не сказать правды, когда я самъ ее искалъ? Зачѣмъ этотъ камень судьба положила мнѣ на сердце именно теперь?.. Мнѣ тяжело, я изстрадался.. Неужели въ пошлой чувственности мой поверженный кумиръ утерять всю свою бережливость свѣтлаго чувства къ

человѣку, который принесъ къ его ногамъ всего себя? Мало? Что же надо?.. Сколько тутъ безсердечія, зла!.. Неужели для нея мало быть въ моихъ глазахъ человѣкомъ исключительной высоты?.. Вотъ я тебѣ и пишу, Николай. Въ душѣ что дѣлается—описать трудно. Сосеть, ноетъ, щемитъ... Страшно больно оторвать отъ себя мечты, столько лѣтъ гнѣздившіяся во мнѣ... Она для меня женщиной не была—только другомъ. Ей я поклонялся, какъ чистому, сильному свѣтлой стороною человѣку... И вдругъ—все кувыркомъ!.. Позже я видѣлся съ нею. Она сказала: я привязалась къ «нему»... Ты понимаешь, что это значить? Только теперь я начинаю уяснять, что для нея быть только другомъ—мало. Съ какимъ презрѣніемъ я выкуриваю изъ себя все, что для меня было когда-то святымъ, неприкосновеннымъ! Она сыграла въ моей жизни роковую роль. Это ей извѣстно. Чѣмъ-же отплатитъ мнѣ она за посильную жертву, которую я принесъ ей, уйдя изъ полка, порвавъ добрую связь съ сестрой, матерью, которымъ я запретилъ разъ навсегда упоминать объ Екатеринѣ Петровнѣ всуе? Тѣмъ, что повисла на шеѣ чуть-ли не перваго встрѣчнаго!.. Тѣ, кто знали ее, говорятъ, что она «прокладываетъ дорогу мужу...» Какъ все это гадко, отвратительно! Да, вотъ она настоящая жизнь... Улыбнулась и тутъ-же высѣкла. Какой рискъ такъ сильно привязываться къ женщинѣ! Я знаю себя: во мнѣ найдется достаточный запасъ воли вычеркнуть ее изъ моей памяти, но съ сердцемъ я безсиленъ... «Память сердца»—да, Николай, она есть. Чтобы перевернуть себя, я бросилъ старую квартиру и теперь живу въ гостинницѣ. Но скоро, знаешь, куда ѣду? Къ тебѣ! Ты правъ: кипучая жизнь, какъ у тебя, тѣмъ и дорога, что мѣшаетъ мысли подолго останавливаться на самомъ себѣ. Смѣна впечатлѣній, трудовая жизнь, новые люди помогутъ и мнѣ спасти себя отъ душевной смерти. А жить еще хочется... Хочется вѣры въ людей. Теперь во мнѣ зародился скептицизмъ. Какъ-будто стихія судьбы сговорила противъ меня. Никому до меня дѣла нѣтъ, никто не хочетъ помочь въ бѣдѣ. Рѣшилъ уходить въ отставку и ѣхать къ тебѣ—вотъ весь мой планъ. Какъ жутко, одиноко!.. Впереди новая жизнь, позади... Лучше не вспоминать! Ну, до скорого свиданія! Крѣпко тебя обнимаю. Твой И. Букинъ.

И. Курмояровъ.

